

Берлин и Париж обсуждают европейское сдерживание

(начало на 1-й стр.)

В работе *“Pax atomica?”* нет недостатка в контраргументах против некоторых эзотерических уклонов в теориях сдерживания. По мнению Брюно Тертрэ, если ядерная стратегия *«полезна как инструмент размышления и планирования»*, то её усовершенствования *«часто были чрезмерными»*, со склонностью к отрыву от реальности: *«Поскольку она действует в потенциальной вселенной, не имеющей других исторических образцов кроме предыдущих опытов использования ядерного оружия, часто в условиях крайней секретности, она может легко оторваться от политических, бюджетных»* или *«бюрократических»* реалий, под которыми, по нашему мнению, Тертрэ подразумевает административные процессы и процессы принятия решений.

По мнению британца Лоуренса Фридмана, если пионеры ядерной стратегии в 1950–1960-х годах *«сохраняли связь с классической стратегией»*, то большинство их преемников этого не делали: вместо этого они стали *«специалистами, чей исходный постулат лежал в экстремальных характеристиках ядерного оружия, а не в постоянных характеристиках международных отношений»*. По этой причине, отмечает Тертрэ, теоретики ядерной стратегии *«имеют меньшее влияние»*, чем принято считать.

Далее: *«Почти все концепции и термины, составляющие ядерную стратегию, были разработаны в 1950-х, 1960-х и 1970-х годах, в основном в США. В этом смысле ядерная стратегия – не считая того, что её практическая польза остаётся под вопросом – это мёртвый язык. Тем не менее, он остаётся таким же полезным, как латынь»*.

В книге *“Pax atomica?”* на примере ряда крупных кризисов и инцидентов, начиная с Корейской войны 1950–1953 годов и заканчивая оккупацией Крыма в 2014 году, рассматриваются ядерные аспекты противостояния и делается вывод, что вариант с применением бомбы никогда не был реальным. Использование же ядерной угрозы, напротив, постоянно имело место, то есть можно сказать, что регулярным было политическое использование сдерживания.

Здесь нас больше всего интересует российско-украинский конфликт. В 2014 году, после аннексии Крыма, Россия отправила *«три типа ядерных посланий»*. Москва стремилась обозначить, что после аннексии Крым является полностью российской территорией, а значит, она может размещать там ядерное оружие, как и на любой другой части своей территории; Путин заявил, что в случае необходимости приведёт ядерные силы в боевую готовность.

Москва косвенно предупредила Вашингтон, что попытка вернуть Крым будет расценена как нападение на Россию, которая оставляет за собой право на ответные действия, вплоть до применения ядерной силы; США *«должны были осознать, что они сами окажутся под угрозой»*.

Наконец, в целях запугивания европейское воздушное и морское пространство нарушили подразделения, обладающие ядерным потенциалом; бомбардировщики Ту-22 были временно размещены в Крыму, а ракеты “Искандер” – в Калининграде. *«Хотя кризис и развивался в тени российского ядерного потенциала»*, – заключает Тертрэ, – нет никаких признаков того, что Москва действительно рассматривала возможность переступить порог применения ядерного оружия.

Аналогичный сценарий повторился и в новой фазе войны, начавшейся 24 февраля 2022 года; к неоднократным напоминаниям о готовности к применению ядерного оружия Россия добавила размещение ракет в Белоруссии и военные учения с привлечением тактического ядерного оружия.

Возвращение в Европу дискуссии о ядерном сдерживании отражает как возникшую неуверенность в надёжности американских гарантий расширенного сдерживания, так и новые грани российской угрозы, выявленные войной, как в плане необходимости противостоять ей, так и в плане подготовки условий для будущих стратегических переговоров. Эмманюэль Макрон повторил в журнале *The Economist* предложение об открытии стола для обсуждения общей *«стратегической концепции»* для Европы, включая

сюда не только ЕС, но также Великобританию и Норвегию, и это может быть реализовано в рамках ЕПС, Европейского политического сообщества.

Рассуждения Макрона берут свою точку отсчёта задолго до эскалации войны на Украине, начиная с односторонней денонсации Соединёнными Штатами в 2019 году договора РСМД о ракетах средней дальности, аргументированной обвинением России в нарушении этого договора: *«Перед нами есть риски, связанные с российскими ракетами. Есть ядерный риск со стороны России. Есть риск баллистических ракет, которые могут поразить часть нашего континента, и, возможно, риск распространения опасности также со стороны Ирана и других стран. У нас есть риски в Средиземноморье»*. Признав и суммировав эти риски, которые влияют на Европу в целом, остаётся только определить *«стратегическую концепцию»* для противодействия им, в отношении России и не только: *«Хотим ли мы иметь эквивалентный потенциал? Хотим ли мы иметь оборонительный потенциал? Хотим ли мы иметь эквивалентные наступательные возможности, которые позволят нам защищаться, оставаясь в определённом пространстве небаллистических и неядерных вооружений? Хотим ли мы также иметь потенциал сдерживания, говоря сегодня в первую очередь о двух странах, у которых он есть, а именно о Великобритании и Франции? И затем, когда мы утвердим эту концепцию безопасности, которую ещё предстоит обсудить, согласовать и определить, что мы будем делать с системами обороны класса “земля – воздух”? Они полезны для борьбы с какими ракетами? В рамках каких возможностей и с какой целью? Какой пусковой потенциал средней и большой дальности нам нужен? У нас есть лучшая промышленность для этого: какую европейскую программу мы будем запускать? А потом, как мы хотим использовать, не теряя суверенитета, ту ядерную часть, которая принадлежит нам?». По мнению Макрона, это будут «экзистенциальные» дебаты, которые каждое государство должно будет вести с позиций собственного суверенитета, *«но также соглашаясь объединить эти суверенитеты, чтобы обеспечить общий ответ в континентальном масштабе»*; они также должны будут касаться *«отношений солидарности»*, таких как те, которые уже существуют в рамках статьи 5 Атлантического альянса или 42.7 Договора о Европейском союзе.*

Сделаем четыре наблюдения. Во-первых, тезисы о *«неядерном»* ракетном потенциале и возможности нанесения высокоточных ударов в глубину отсылают к японскому плану перевооружения, где уже начато размещение 1000–1500 крылатых ракет в качестве *«контратакующих сил»*, первоначально обеспеченных американскими поставками, а затем и автономным японским производством. К этому следует добавить развёртывание других средств, которое Вашингтон осуществляет или планирует на Филиппинах и в рамках многочисленных двусторонних союзов, созданных в Индо-Тихоокеанском регионе. В Азии началась ракетная гонка; противостояние, разворачивающееся в Европе, связано с ней и является её зеркальным отражением; можно ожидать, что эти два процесса будут идти в некотором роде параллельно: азиатские ракеты на Востоке и возвращение вопроса о евроракетах на Западе.

Во-вторых, в первый раз Макрон обратился к вопросу о стратегической концепции, связывающей промышленную базу европейского военного суверенитета, воздушный щит, обычные высокоточные ракеты и ядерное сдерживание, на форуме *Globsec* в Братиславе в мае 2023 года, в контексте пересмотра политики Франции в отношении Восточной Европы и заявления о перспективе *«европейского полюса»* в НАТО. Неотъемлемой частью этих предложений для французского президента была необходимость *«европейского голоса»* в переговорах о ракетах и ядерном оружии, то есть он подразумевал, что на этой укреплённой стратегической основе можно будет вести дела с Москвой. В этом смысле Макрон сегодня примеряет роль Гельмута Шмидта конца 1970-х – начала 1980-х годов, когда канцлер Германии в качестве ответа на российские РСД-10 выступал как за установку евро ракет, так и за переговоры с Москвой по *нулевому варианту*.

В-третьих, как уже было упомянуто, Макрон, указывая в интервью *The Economist* на *«стратегическое пробуждение»* Европы, видит признаки этого пробуждения в предложении Германии о создании *«европейского противоракетного щита»*, а также в заявлении Польши, *«которая говорит, что готова принять ядерное оружие НАТО»*. Жан-Доминик Мерше, аналитик журнала *L'Opinion*, основателем которого он является, в своей статье *«Готовы ли мы к войне?»* предлагает Европе форму *«совместного использования ядерного оружия»*,

сравнимую с американской, предоставив ракеты класса “воздух – воздух” с ядерными боеголовками по принципу “двойного ключа” между Францией и принимающей страной. По его мнению, *«такие страны, как Польша, могут быть заинтересованы»*, но неприемлемо было бы требовать за это возвращения Франции в Группу ядерного планирования НАТО. Если бы это предложение оказалось не просто идеей, а результатом зондирования настроений в команде французского президента, мы бы могли говорить о стремлении Парижа задействовать и Варшаву, чтобы добиться прогресса в вопросе европейского сдерживания.

И, наконец, в-четвёртых, каждое французское предложение нужно оценивать в первую очередь с учётом отклика на него в Германии. Здесь следует сказать, что Олаф Шольц принял предложение Макрона, в частности, выступив лично со страниц *The Economist*. Рамки, в которых оперирует немецкий канцлер, демонстративно евроатлантические. НАТО, пишет он, остаётся *«главным гарантом мира и безопасности в евроатлантическом регионе»*, но Европа должна вносить больший вклад в *«распределение бремени»*, независимо от исхода предстоящих президентских выборов в США.

В этом контексте Шольц поддерживает инициативу *«диалога о будущей обороне Европы»*, которая подразумевает *«укрепление европейской опоры НАТО»* и *«укрепление европейской опоры наших сил сдерживания»*. Гипотеза о *«ядерном оружии ЕС»* нереальна, как и *«суверенитет французского ядерного сдерживания»*, но то, что Макрон особо отметил *«европейское измерение force de frappe»*, заслуживает одобрения. Затем приводится перечень направлений, которые Париж хотел бы видеть на столе переговоров, хотя и с большим акцентом на перевооружение в области обычных вооружений: *«В дополнение к средствам ядерного сдерживания мы рассчитываем на мощные обычные силы, противоздушную и противоракетную оборону, а также киберпространство, космос и потенциал высокоточного удара в глубину»*.

Судя по взаимным декларациям о намерениях, противостояние за европейское сдерживание началось. Канцлер Германии настаивает на *Zeitenwende* и цели превращения бундесвера в *«самую мощную конвенциональную силу в Европе»*. Среди множества неизвестных величин есть одна беспрецедентная: какая напряжённость возникнет на рейнской оси, когда стратегические пропорции между Парижем и Берлином изменятся?

Эскалация, вызванная возможностью применения Украиной оружия НАТО для ударов по российской территории, в большей мере, нежели доктрина европейского сдерживания, является драматическим испытанием всех соотношений сил.

Май 2024 г.